

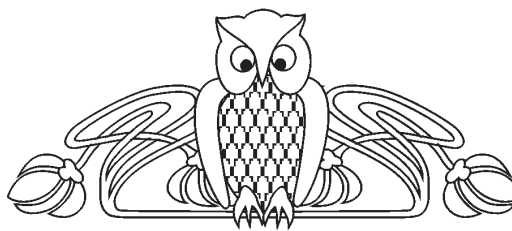

УДК 1 (470) (091)+929 Яковенко

Б. В. ЯКОВЕНКО О РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Т. Ю. Маслова

Саратовский государственный университет
E-mail: filosof-09@mail.ru

В статье анализируются философские труды Б. В. Яковенко, посвященные русской философии. Яковенко отвергает идею своеобразия и оригинальности русской философии и становится ярким противником идей Н. А. Бердяева. Несмотря на то что он всячески отрицает национальную русскую философию, в статье обосновывается точка зрения, согласно которой он сам находится в русле этой традиции.

Ключевые слова: русская философия, национальная философия, трансцендентальный плюрализм, немецкий идеализм, философская традиция, неозападничество, религиозная философия.

B. V. Jakovenko about Russian Philosophy

T. Yu. Maslova

B. V. Jakovenko's works devoted to Russian philosophy are analyzed in article. Jakovenko rejects idea of feature and originality of Russian philosophy, becoming the opponent of N. A. Berdjajev's ideas. Author argues that, in spite of critical relation to Russian philosophy, B. V. Jakovenko is a part of Russian philosophical tradition.

Key words: Russian philosophy, national philosophy, transcendental pluralism, German idealism, philosophical tradition, neowesternism, religious philosophy.

Среди философского наследия Б. В. Яковенко особое место занимают его работы по истории русской мысли («О задачах философии в России», «Философское донкихотство», «Философия отчаяния», «Очерки русской философии» и др.), в которых формируется и отстаивается особая точка зрения относительно состояния русской философии. Ученый отмечает, что русская философская мысль переживает свое второе рождение. Особенность русской философии заключается в том, что в ней всегда господствовали два начала – религиозная вера и научный дух. В этой незримой борьбе религиозная вера уступила свое ведущее место науке, на философскую арену вступил позитивизм. Роль философии заключалась в обобщении научных данных. Философом мог стать любой ученый, который желал всего лишь расширить свой научный горизонт: «Философия была лишена, таким образом, самосознания, была подавлена влиянием внешнего по отношению к ней фактора. Ей надлежало помочь русскому человеку жить в той атмосфере, которая ему была дана, придать систематичность тем идеям, которыми одарило его время», – отмечает он¹.

Но философия – это, прежде всего, самостоятельная наука и, как любая другая, она обладает

и своим методом, и своим предметом. Философия есть наука о науке, о красоте и святости, в совокупности являющихся областью трансцендентального. Возрождение философии в России пробудило к жизни и религиозный мотив. По словам Яковенко, представители религиозной философии грезят созданием русской национальной философии. Сам же он является ярким противником национальности в философии: «Философия как таковая не может иметь национального лица. Если бы философия могла быть приурочиваема к национальности, она была бы лишена рациональной возможности претендовать на какое-либо постоянство»². Яковенко убежден, что построение философской системы на основании принадлежности ее к какой-либо нации есть уклонение от исторического пути философского развития, которое приобретает общемировые масштабы. Говорить о национальной принадлежности философии так же нелепо, как и утверждать, что математика или физика являются культурным достоянием какого-то одного народа.

Эта позиция, согласно которой российская философская мысль лишена всякой традиции, на наш взгляд является довольно спорной. Философ утверждает, что если и можно говорить о какой-либо традиции, то многие русские мыслители являются представителями традиции немецкого идеализма. Он выступает непримиримым оппонентом Бердяева, который утверждает самобытность русской философии. В статье «Философское донкихотство» Яковенко обращает внимание читателей на противоречивость концепции религиозной философии, на ее несостоятельность по сравнению с немецким идеализмом. Более того, он открыто обвиняет Н. А. Бердяева в незнании мировой философской традиции.

Косвенным подтверждением своей идеи о том, что философия не может иметь национальности, Яковенко считает стремление философской мысли к своему истинному воплощению – метафизике, к познанию Сущего. И такая метафизика, в противовес философии религиозных мыслителей – Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского – является независимым беспредпосылочным критико-гносеологическим исследованием, т. е. научной, критической метафизикой. Такова, по мнению ученого, общая направленность философского развития не только в России, но и в Европе. Эта общая тенденция в России была воплощена молодым философским

движением неозападничества, яркими представителями которого Б. В. Яковенко считал Б. П. Вышеславцева, И. А. Ильина, Г. Э. Ланца, Т. И. Райнова, Ф. А. Степуна, С. Л. Франка, Г. Г. Шпета и, разумеется, себя. Основание, согласно которому стало возможно объединение этих имен, вполне ясно: признание мира данностью познавательного аспекта и подход к ней с точки зрения познания.

В отечественной историософии имя Яковенко прежде всего связано с русским изданием международного журнала по философии культуры «Логос». За период 1910–1914 гг. вышло 8 его номеров в Москве и 2 в Петербурге. Журнал сразу же зарекомендовал себя в качестве оплота «неозападничества» и европеизма. По замечанию исследователей, «Логос» «с самого начала задумывался как теоретический орган для пропаганды и развития философских идей неокантианства. Предысторией и определяющей предпосылкой организации организацией журнала “Логос” было массовое паломничество русской молодежи, интересующейся философией, в немецкие университетские города»³. Именно философские идеи Яковенко, его изыскания на тему философии культуры придавали «Логосу» неповторимость и общественно-культурную значимость. Работа Б. В. Яковенко в журнале (в качестве одного из редакторов и наиболее «продуктивного» автора) стала самым ярким эпизодом его жизни и творчества в России. Направленность журнала становится понятной после знакомства с небольшим очерком, который философ пишет, сопровождая выход первого номера журнала: «Сейчас, когда русское общество начинает втягиваться в философские вопросы и философский интерес пробуждается к самостоятельной жизни после долгого (у нас, русских, особенно долгого) периода порабощения других интересов, наступило время самооценки русской философии, и не только самооценки, но и активного творческого участия в развитии собственной философии – той, которая живет не в России, а в Европе и, еще точнее, в Германии и именуется трансцендентологией, наукой о науке, нравственности, красоте и святости, о том, что в своей совокупности составляет сферу трансцендентального <...> Мы должны вычеркнуть мировоззрение из числа философских вопросов, предоставляя это нациям, эпохам, индивидуальностям»⁴. Такая довольно резкая оценка состояния русской философии обусловлена тем, что перед отечественными философами стояла гносеологическая проблема теоретико-познавательного оправдания метафизики. Эта потребность делала необходимым обращение к европейской философии гносеологической направленности.

Идейные вдохновители и редакторы русского «Логоса» сознательно и твердо отстаивали свои позиции, согласно которой и поныне распространено мнение о «специальном глубокомыслии» русской философии и ее особенной

оригинальности и аутентичности является полной профанацией и заблуждением. Неозападникам, получившим философское образование в лучших университетах Германии, бросалась в глаза методологическая слабость русской философии, поэтому они осознавали необходимость выработки навыков самостоятельного мышления, что, по их справедливому замечанию, возможно только при условии хорошего знания философской классики. Они видели путь преодоления философского коллапса, который, по их мнению, сложился в России: первым его этапом должно стать освоение мировой философской традиции. Они обращали особое внимание на то, что только успешно пройденный первый этап гарантирует возможность нового творчества. Б. В. Яковенко следующим образом обосновывает это требование к философской образованности: «Мы должны признать, что как бы значительны и интересны ни были отдельные русские явления в области научной философии, философия, бывшая раньше греческой, в настоящее время преимущественно немецкая <...>. Все современные оригинальные и значительные явления философской мысли других народов несут на себе явный отпечаток влияния немецкого идеализма; и обратно, все попытки философского творчества, игнорирующие это наследство, вряд ли могут быть признаны безусловно значительными и действительно плодотворными. А поэтому лишь вполне усвоив себе это наследство, сможем и мы уверенно пойти дальше...»⁵. Из тех, кто основал «Логос», интенция «пойти дальше», т. е. в метафизику, была реализована в наибольшей степени только Б. В. Яковенко. Искусно переплетая неокантианские (прежде всего когеновские) и гуссерлианские мотивы и основываясь на собственных представлениях об основных, в конечном счете онтологических тенденциях немецкого идеализма, он выработал собственную систему критико-интуитивного плюрализма, которая, как он предполагал, является апогеем истории мировой философии, ее самым высшим достижением. Система философских взглядов Яковенко сложилась довольно рано, исследователи его творчества отмечают, что статьи, напечатанные им в «Логосе», уже содержат в себе основные идеи концепции «трансцендентального плюрализма».

В обзоре «Тридцать лет русской философии» философскую ситуацию в России Б. В. Яковенко характеризует следующим образом: «... грубый и наивный метафизический материализм и более рафинированный, но тоже по-своему догматичный, сциентистский позитивизм как-то отступили, сами собою, в тень, редко и лишь глухо проявляясь; а с расцветавшей и ширившейся (тоже, главным образом, на почве теоретических проблем) религиозно-философской тенденцией велась самая энергичная, решительная борьба за независимость и научность до конца критической и свободной философской мысли»⁶. Что касается самой философии Б. В. Яковенко, то она, как уже

говорилось, отвечала ведущей русской и, что немаловажно, европейской (в частности, немецкой) тенденции к новым онтологиям. Добился ли он на этой стезе успеха и в какой степени ему удалось реализовать свои философские амбиции – вопрос совсем иного плана, который мы не рассматриваем в рамках данной статьи.

При подобном довольно негативном отношении Яковенко к русской философской традиции вполне закономерным представляется вопрос, вписывается ли его творчество в контекст русской философии. На наш взгляд, на него необходимо отвечать однозначно положительно, по крайней мере, по двум причинам. Первая та, что русская философия, как и любая другая национально определенная философия, предстает перед нами как обособленное, индивидуальное выражение мировой философской проблематики, иными словами, философии как таковой, поэтому демаркация понятий «русская философия» и «философия в России» просто не имеет смысла. Национальная традиция в философии существует, и этого нельзя отрицать. В противном случае мы не могли бы говорить о французской, английской или немецкой (о чем сам ученый неоднократно упоминает) философии. Вторая причина, по которой мы считаем трансцендентального плюралиста Б. В. Яковенко представителем русской философской традиции, – это то, что он жил и работал в ус-

ловиях русской действительности, находился под влиянием социальной реальности, сложившейся в России в начале XX в. и его труды были одним из звеньев развития русской философии. И если мы признаем наше западничество русским, а не немецким, то почему бы Б. В. Яковенко не быть русским философом? В философской литературе неоднократно подчеркивается, что разного рода европейские философские идеи практически всегда ассимилируются на русской почве и окрашиваются в русские цвета. Тому же процессу было подвержено и неокантианство «Логоса» и одного из его авторов Б. В. Яковенко. Если мы признаем наше западничество русским, то мы просто обязаны считать Б. В. Яковенко русским философом.

Примечания

- 1 Яковенко Б. В. О задачах философии в России // Яковенко Б. В. Моцъ философии. СПб., 2000. С. 654.
- 2 Там же. С. 656.
- 3 Белов В. Н., Рожков В. П. История русской философии. Саратов, 2006. С. 151.
- 4 Ермичев А. А. О неокантианстве Б. В. Яковенко и его месте в русской философии // Яковенко Б. В. Моцъ философии. С. 9.
- 5 Яковенко Б. В. Очерки русской философии. СПб., 2000. С. 742.
- 6 Яковенко Б. В. Тридцать лет русской философии // Там же. С. 854.

УДК 124.4

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ В ПЕРСПЕКТИВЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ РОССИИ

Н. А. Моисеева

Российский государственный аграрный заочный университет
E-mail: moiseeva.nel@yandex.ru

Статья посвящена анализу русской национальной идеи в контексте современных реалий, где соединяется новое содержание с бытием национальной идеи. Подчеркивается, что национальная идея есть процесс самоосуществления нации как субъекта в историческом процессе через формирование мы-идентичности. Утверждается, что национальная идея имеет не только эвристический смысл в перспективе самоопределения России, но и всемирно-историческое значение.

Ключевые слова: национальная идея, мы-идентичность, народ-субъект, самосознание, самоопределение.

Heuristic Sense of the National Idea in the Long Term of Self-Determination of Russia

Н. А. Моисеева

This article analyzes the Russian national idea in the context of contemporary realities, where new content join to the national idea. It is emphasized that the national idea is a process of self-realization of the nation as a subject in historical process through the formation

of «we-identity». It argues that the national idea has heuristic sense, not only in the perspective of self-determination in Russia, but also a world-historical significance.

Keywords: national idea, we-identity, people-subject, self-awareness, self-determination.

Сегодня, когда Россия вновь оказалась перед необходимостью исторического выбора и самоопределения, актуализируется поиск и содержательный анализ ее национальной идеи. Очевидно, что без аргументированного учения и концепции развития, учитывающей реалии современного бытия, невозможна самоидентификация народа, а значит – само его существование в ситуации глобализации. «Ведь идея у народа или есть, и тогда он процветает, или ее нет, но тогда имеем ли мы право говорить о самобытном народе?»¹. Как представляется, споры о содержании национальной идеи будут актуальными до тех пор, пока наша страна не обретет пути, который